

Основная идея рецензируемой книги заключается в том, что формирование в индоевропейских языках группы «прилога»¹ с фиксированным порядком слов послужило моделью для сходного развития у групп существительного и глагола. Для того, чтобы обосновать этот тезис, авторы анализируют развитие падежных и «приложных» систем в некоторых индоевропейских языках.

Книга начинается с авторского предисловия, где сообщается, что авторы считают своими предшественниками Л. Ельмслева с его работой «Категория падежа» [Hjelmslev 1935] и Р. Якобсона [1936/1985]. Далее излагаются теоретические предпосылки, из которых исходят авторы, в частности, декларируется намерение следовать приоритету содержания. При этом критикуется использование в лингвистике функций истинности: «Пора признать аномальность семантики, основанной на функциях истинности, и наконец избавиться от антименталистских убеждений, на которых она базируется» (с. vii). Кроме того, авторы обещают пользоваться «простым синтаксисом зависимостей, восходящим к Аристотелю и греческой *gramatikē*». Читателя не должно смутить то обстоятельство, что немедленно после этого в книге появляется термин *adpositional phrase* («группа прилога»), а дальше в тексте свободно употребляются и термины «именная и глагольная группа»². В разделе 4.0 «Приложные

(предложные и послеложные) системы» авторы обращают внимание на то, что при исследовании свойств приложной группы необходимо заниматься и значениями самих прилогов и каким-то образом соотносить значения прилогов со значениями падежей.

В книге 16 глав, из которых относительно более подробно имеет смысл остановиться на первых двух. Глава 1 называется «Типологическая революция в индоевропейских языках: от парадигмы к словосочетанию»³. Отметив, что в латинском языке допустимо довольно свободное расположение существительного и модифицирующего его прилагательного, в то время как предлог должен непосредственно предшествовать управляемому существительному, авторы переходят к рассмотрению греческих «частей», обладавших довольно свободным распределением в гомеровском греческом, но превратившихся впоследствии в прилоги. От этого авторы переходят к рассмотрению прилогов вообще, и к связи между наличием в языке пред- или послелогов и типа основного порядка слов. В разделе 1.3.3 «Типологические последствия существования приложных групп» сообщается, что в некоторых и.-е. языках произошла типологическая революция, заключавшаяся, в частности, в том, что именно в языках, сокративших число падежей до четырех или меньшего числа, развилась система артиклей. Насколько мы можем судить, это утверждение неверно: артикли существуют и в некоторых и.-е. языках с богатыми падежными системами, например, в грабаре и в современных армянских, а также в некоторых севернорусских диалектах. Тем более это не так в неиндоевропейских языках: богатые падежные системы сосуществуют с артиклями в мордовских, венгерском, баскском и др.

¹ К сожалению, в русском языке до сих пор нет общепринятого перевода для удобного термина *adposition*. Чтобы не писать всякий раз «предлог или послелог», мы будем пользоваться словом «прилог» (уже предлагавшимся некоторыми исследователями), которое кажется нам очень естественным аналогом английского термина.

² Более того, на с. 145 читателя ожидает вполне обычное дерево непосредственных составляющих [_{NP} Pt [_{NP} N Adj]] с явно указанными узлами PtP и NP. (Мы приводим не само дерево, а эквивалентную скобочную структуру ради экономии места.)

³ Под «словосочетанием» (*phrase*) подразумевается, по всей видимости, именно синтаксическая группа, т.е. понятие из отвергаемой авторами грамматики составляющих.

После этого рассматриваются падежные системы и.-е. языков и редукция этих систем в диахронии. Падежи подразделяются на «канонические» (номинатив, аккузатив, генитив и датив) и прочие (аблатив, аллатив, локатив, инструменталис, комитатив и препозиционалис, «используемый только с предлогами»). Отмечается, что падежи образуют иерархию: «именной уровень» (номинатив и аккузатив) «уровень прилагательного» (генитив и датив), «адвербиальный уровень» (прочие падежи).

Затем обсуждается редукция падежного инвентаря, происшедшая во многих и.-е. языках. При этом почему-то не упоминается о еще одной тенденции – возникновении «новых» падежных систем, имевшей место, например, в осетинском и некоторых новых индоарийских.

Далее отмечается, что прилагательное может модифицировать только существительное, а наречие – только прилагательное. Обсуждению этого явления посвящен раздел 1.6, к сожалению, при этом не упоминается так называемый *accusativus graecus*, встречающийся в некоторых и.-е. языках, например, ср. лат. (Ovid., *Metamorphoses* 15.212):

- (1) *alb-a* *capill-os*
 белый-NOM.F волос-ACC.PL
 ‘седовласая’, букв. «белая волосами».

В разделе 1.8 «Когнитивные процессы наименования и упоминания» говорится, в духе теории Гийома, в частности, что «бинарное когнитивное противопоставление определенно-го и неопределенного непосредственно зависит от бинарной структуры существительного, как бы состоящего из лексемы и референта». Довольно существенное для анализа артиклей во многих языках противопоставление референтных и нереферентных существительных не упоминается вовсе.

Во введении к главе 2 («Синтаксис предложной группы») сообщается, что эволюция предложной группы, приведшая к возникновению жесткого порядка слов, повлекла за собой развитие глагольной группы и именной группы. В разделе 2.1 авторы возвращаются к критике грамматики составляющих и вновь декларируют свою приверженность 2500-летней европейской грамматической традиции. В разделе 2.2 вводятся «уровни синтаксиса»: синтаксисальный, соответствующий взаимосвязи предиката и субъекта; первичный, соответствующий связи глагольной группы и именной группы; и вторичный, соответствующий связи существительного и прилагательного, глагола и наречия, прилагательного и наречия, а также наречия и наречия. Наконец, субсинтаксический уровень соответствует зависимостям, существующим внутри слов и синтаксических групп. (При этом говорится, что

именная группа и глагольная группа обычно функционируют как единое существительное или глагол, соответственно. Мы затрудняемся сопоставить это замечание с намерением авторов пользоваться грамматикой зависимостей.)

Несколько нестандартен для современной лингвистики подход авторов к взаимоотношению сказуемого и подлежащего: критикуя восходящую к Теньеру вербоцентрическую концепцию, авторы предлагают считать, что «подлежащее (часто топик) *поддерживает* (is the support of) сказуемое (обычно комментарий), в то время как последнее *зависит* от своего поддерживающего» (с. 29).

В разделе 2.3, «Система частей речи в и.-е. языках», говорится о двух интересных идеях в этой области, высказанных Гийомом. Первая из них – разделение «частей речи» на предикативные (существительное, глагол, прилагательное, наречие) и непредикативные (местоимение, определитель, предлог, союз). Сходство этой идеи с бытующим в школьной грамматике делением частей речи на знаменательные и служебные, вероятно, чисто случайно, иначе верность 2500-летней традиции не позволила бы авторам приписать эту идею Гийому.

Вторая идея Гийома – подразделение местоимений на «комплетивные» и «супплетивные». (Последний термин не имеет никакого отношения к обычному морфологическому супплетивизму.) По-видимому, речь идет о противопоставлении клитик и местоимений, способных составлять отдельное фонетическое слово. Далее авторы отмечают, что похожее различие существует у наречий и глаголов. В разделе 2.4 авторы возвращаются к проблеме бинарной структуры существительных в индоевропейских языках, связывая с этой бинарностью возможность использовать существительные в качестве прилагательных (*bus station*) и наречий (*We went home*.) В разделе 2.5 обращается внимание на то, что во множественном числе может быть только референт, а не лексема. В конце главы, в разделе 2.6, описывается система основных английских предлогов.

В остальных главах, с 3 по 14, дается обзор падежных и приложных систем в ряде индоевропейских языков. Мы перечислим заголовки глав, отмечая лишь некоторые из подробностей, привлечших наше внимание.

Глава 3 – «Падежи и предлоги в древнегреческом». Глава 4 – «Падежи и послелоги в хеттском». Глава 5 – «Падежи и послелоги в индоарийских языках» (фактически из новых индоарийских языков упоминается только хинди). Глава 6 – «Падежи и предлоги в иранских языках» (в качестве примера западноиранско-

го языка рассматривается фарси, а в качестве примера восточноиранского – пушту; осетинский язык, с его необычной и непохожей на прочие современные иранские падежной системой, не упомянут вовсе).

Глава 7 – «Армянский». На с. 176 читаем: «Сокращение от шести синтетических падежей древнеармянского к четырем в современном армянском сопровождалось возникновением определенного артикля». Если подсчет числа падежей – в известной мере условность, зависящая от определений (хотя во многих современных армянских грамматиках на вполне резонных основаниях выделяется большее число падежей), то наличие определенных артиклей в древнеармянском, как нам представляется, факт все же бесспорный (для справки можно обратиться к любой грамматике грабара, например [Туманян 1971]). Кроме того, отрицание древнеармянской предложной системы и смсена ее послеложной не упоминаются вовсе.

В конце главы по не вполне ясным причинам упоминается древнееврейский язык, причем предлоги *le-* и *be-* именуются при этом послелогом. («Доктор, в терминах ли дело?») Порядок слов в ивритских примерах (32) и (33) странен как для библейского, так и для современного иврита. Источник этих примеров в книге не указан, и они, во всяком случае, не являются цитатами из Библии.

Глава 8 – «От древнего к современным славянским». В этой главе, в частности в таблице 8.8, перечислены основные русские наречия, обозначающие место. В их число, согласно авторам, входят *наперед*, *наружи* и *вон*. Другие неожиданные русские примеры включают *подойти ко кому* (с. 193), перевод *мне-ка* как «ко мне» (с. 182), *поди-ко* как «подойди» (*do come*, с. 182). Источник подобных русских примеров, разумеется, не указан.

Глава 9 – «Балтийские языки». Глава 10 – «От древних к современным кельтским». Глава 11 – «От латыни к современным романским».

Глава 12 – «От древних к современным германским». На с. 276 дается отсылка к таблице латинских примеров: «[В] и.-е. языках, напри-

мер, неодушевленные (т.е. неагентивные) субъекты получают маркирование, совпадающее с аккузативным, ср. распределение латинских форм в табл. 12.2». Латинские примеры в табл. 12.2 в самом деле подобраны так, что неодушевленных существительных мужского или женского рода там нет, однако это затруднительно сказать о латинских существительных в целом: ср. *gladius*, асс. *gladium* 'меч', м.р.; *via*, асс. *viam* 'улица' ж. р. и т.п.

Глава 13 – «Албанский». Глава 14 – «Тохарский». Глава 15 – «Падежи, адвербиальные частицы и прилоги в протоиндоевропейском». Глава 16 – «Заключение».

Единственным примером языка, для которого авторы обсуждают развитие именной группы (и в котором оно происходит одновременно с развитием предложной группы), является гомеровский греческий, и основной тезис работы – о влиянии приложной группы на формирование именной и глагольной групп – на наш взгляд, не получает убедительного доказательства: обилие странных утверждений в главах про конкретные языки не позволяет использовать книгу и в качестве справочника по падежным и приложным системам этих языков.

В завершение остается заметить, что в одной книга Хьюсона и Бубеника весьма поучительна – она наглядно демонстрирует, что даже принятая в крупных международных издательствах и в целом, безусловно, полезная система анонимного рецензирования иногда не может застраховать от издания откровенных курьезов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Туманян 1971 – Э.Г. Туманян. Древнеармянский язык. М., 1971.
Якобсон 1936/1985 – Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Избранные работы. М., 1985.
Hjelmslev 1935 – L. Hjelmslev. La catégorie de cas. Aarhus, 1935.

Д.А. Эршлер